

Содержание

Изобретение Мореля. *Перевод В. Спасской* 3

План побега. *Перевод А. Миролубивой* 125

ИЗОБРЕТЕНИЕ МОРЕЛЯ

Сегодня здесь, на острове, начались чудеса. Вдруг наступило лето. Я перетащил постель к бассейну и купался допоздна. Спать было невозможно. Стоило вылезти из воды, как через две-три минуты капли, не принося облегчения, превращались в пот. На рассвете меня разбудил патефон. Я не смог вернуться в музей за вещами и убежал, прячась по расщелинам. Сейчас я стою на южной, низкой оконечности острова, в гуще водяных растений, отбиваясь от комаров, по пояс в грязной воде, и думаю, что по-идиотски поспешил с бегством. Вряд ли эти люди приехали за мной; скорее всего, они меня и не видели. Но судьба моя неумолима, и вот я торчу здесь, без всего, в самой неудобной, наименее пригодной для жизни части острова, среди болот, которые раз в неделю заливают море.

Я пишу эти строки, чтобы оставить память о недобром чуде. Если через день-другой я не погибну, утонув или сражаясь за свою свободу, я напишу трактаты «Моя защитительная речь, обращенная к живым» и «Похвала Мальтусу». Я обрушусь с этих страниц на тех, кто вырубает леса и заселяет пусты-

ни; я докажу, что нынешний мир с его усовершенствованиями в сфере сыска, документации, журнастики, с его радиотелефонами и таможенными досмотрами делает непоправимой любую ошибку правосудия, становится для преследуемых беспросветным адом. До сих пор я пока не написал ничего, кроме этого листка, о котором вчера и не помышлял. Сколько дел у человека на пустынном острове! Как мучительно тверда древесина! Как необъятно пространство и как мала юркая птица!

Мысль приехать сюда подал мне один итальянец, торговавший коврами в Калькутте; он сказал (на своем языке):

— Для беглеца — такого, как вы, — в мире есть лишь одно место, но жить в этом месте нельзя. Это остров. Году в двадцать четвертом белые построили там музей, часовню, бассейн. Сооружения закончены и заброшены.

Я прервал его, прося помочь мне туда добратся; торговец продолжал:

— На остров не заглядывают ни китайские пираты, ни белые суда Рокфеллеровского института*. Там рассадник неизвестной болезни, которая начинается снаружи и убивает, проникая внутрь. У человека выпадают ногти и волосы, отмирает кожа и роговица глаз, больной живет всего неделю-дру-

* Рокфеллеровский институт — научно-исследовательский центр, созданный в Нью-Йорке в 1901 году на средства Джона Дэвидсона Рокфеллера (1839—1937). — *Примеч. пер.*

гую. Японский крейсер «Намура» встретил яхту, побывавшую на этом острове, — все, экипаж и пассажиры, были мертвы, без кожи, без волос, без ногтей. Яхту потопили, обстреляв из пушек.

Однако моя жизнь была столь ужасна, что я решился... Итальянец пробовал меня отговорить, но все же я сумел заручиться его помощью.

Вчера вечером я в сотый раз заснул на безлюдном острове... Глядя на здания, я думал, во сколько обошлась доставка сюда этих камней; а как легко было бы построить печь для обжига кирпича. Я заснул поздно; но на рассвете меня разбудили музыка и громкие голоса. Сон беглеца чуток; я уверен, что сюда не подходило ни одно судно, не прилетали ни самолет, ни дирижабль. И однако в эту душную летнюю ночь на травянистых склонах холма внезапно появились люди; они танцуют, прогуливаются, купаются в бассейне, словно отдыхающие, приехавшие пожить в Лос-Текес* или в Мариенбад**.

От болот, где стоячая вода мешается с морской, я вижу вершину холма, вижу гостей, поселившихся в музее. Их необъяснимое появление можно было бы отнести на счет этой душной ночи, счесть их видениями, возникшими в моем мозгу; однако здесь нет ни галлюцинаций, ни призраков — это настоящие люди, по крайней мере такие же настоящие, как я.

* Лос-Текес — город в Венесуэле, неподалеку от венесуэльской столицы Каракас. — *Примеч. пер.*

** Мариенбад — город-курорт в Чехии. — *Примеч. пер.*

Одеты они так, как одевались несколько лет назад; эта причуда подчеркивает, мне кажется, некую фривольность, но надо признать, что теперь принято преклоняться перед магией недавнего прошлого.

Кто знает, отчего судьба обрекла меня — приговоренного к смерти — постоянно следить за ними. Они танцуют на холме, среди высокой травы, где так много змей. Это мои невольные враги: явившись сюда, чтобы послушать «Валенсию» и «Чай вдвоем» — громозвучный патефон разносит мелодии по всему острову, перекрывая шум ветра и моря, — они, сами того не ведая, лишили меня всего, созданного с таким трудом и необходимого для жизни, загнали в гибельные прибрежные болота.

Наблюдать за ними — опасная игра: как любое культурное общество, они непременно владеют хитрыми современными способами опознания личности и, обнаружив меня, путем ряда манипуляций и процедур, используя отпечатки пальцев и бдительных консулов, не замедлят отправить в тюрьму.

Я преувеличиваю: я слежу за этими ненавистными гостями с каким-то наслаждением — ведь я столько времени не видел людей, но нельзя же смотреть на них безотрывно.

Во-первых, у меня много работы — место, где я нахожусь, способно убить самого сноровистого отшельника, а я оказался здесь совсем недавно, и у меня нет инструментов.

Во-вторых, я опасаясь, что они захватят меня врасплох, пока я буду подглядывать за ними, или

поймают, пожелав осмотреть эту часть острова; если я хочу обезопасить себя, надо устроить тайное убежище в самых густых зарослях. И наконец, увидеть их непросто — они на вершине холма, и тому, кто подстерегает их снизу, кажутся мимолетными видениями; они возникают лишь тогда, когда подходят к краю расщелин.

Положение у меня незавидное. Пришлось переселиться в эти болота как раз тогда, когда приливы особенно высоки. Несколько дней назад вода поднялась выше, чем за все время моего пребывания на острове.

Когда смеркается, я собираю ветви, покрываю их листьями. И уже не удивляюсь, пробуждаясь в воде. Прилив начинается часов в семь утра, иногда и раньше. Но раз в неделю он бывает настолько высок, что каждый может стать последним. Я делаю зарубки на стволе, ведя счет дням; любая ошибка — и я захлебнусь.

Неприятно думать, что эти записи похожи на завещание. Если иного не дано, надо постараться, чтобы мои утверждения можно было проверить; пусть никто, когда-либо заподозрив меня во лжи, не усомнится в главном: меня осудили несправедливо. Эпиграфом к этому документу я поставлю девиз Леонардо да Винчи «*Ostinato rigore*»^{*} и попытаюсь строго его придерживаться.

^{*} «Упорная неуклонность» (*ит.*).

Кажется, остров этот называется Виллингс и входит в архипелаг Эллис*. Дальнейшие подробности вы можете получить у торговца коврами Далмацио Омбрельери (калькуттский пригород Рамкришнапур, Хайдарабадская улица, 21). Этот итальянец кормил меня несколько дней, что я прожил у него, завернутый в персидские ковры, потом погрузил в корабельный трюм. Упомянув о нем в этом дневнике, я не хочу его компрометировать, не хочу быть неблагодарным... «Моя защитительная речь, обращенная к живым», несомненно, убедит всех: как в действительности, так и в памяти людской — а именно там, быть может, и находится рай — Омбрельери проявил милосердие, пожалев несправедливо осужденного, и все, кто когда-либо вспомнят его, будут думать о нем с благодарностью.

Я приплыл в Рабаул; с визитной карточкой торговца коврами навестил члена известнейшего сицилийского общества; в металлическом свете луны, в чаду консервной фабрики по переработке моллюсков я получил последние инструкции и краденую лодку; налег на весла и приплыл на остров (с компасом, в котором не разбираюсь, не ориентируясь в море, с непокрытой головой, больной, в бреду). Лодка ткнулась в песок на восточном берегу (очевидно, коралловые рифы, окружающие ост-

* Сомнительно. Он говорит о холме и о деревьях разных видов. Острова Эллис — или Лагунные — низкие и плоские, на них растут лишь кокосовые пальмы, держась корнями за искрошившиеся кораллы. — *Примеч. издателя.*

ров, были в те часы под водой); я просидел в лодке еще день и ночь, вновь и вновь переживая весь этот ужас и забыв, что уже доплыл.

Остров покрыт растительностью. Травы и цветы — весенние, летние, осенние, зимние — торопливо сменяют друг друга, причем больше спешат народиться, чем умереть, занимая время и землю идущих им вслед; неудержимо скапливаются, густеют. И напротив, деревья здесь больны — у них высохшие кроны, покрытые лишаями стволы. Я нахожу этому два объяснения: либо травы отнимают у почвы все силы, либо корни деревьев уперлись в камень (тот факт, что молодые деревца здоровы, подтверждает мою гипотезу). Деревья на холме настолько затвердели, что обрабатывать их невозможно, но и от тех, что растут внизу, тоже никакого толка — древесина крошится, в руках остаются лишь мягкие щепки, липкая труха.

На вершине холма, над поросшими травой ущельями (ущелья на западе — каменистые), построены музей, часовня и бассейн. Все три сооружения современных форм, прямоугольные, без украшений, выложенные из нешлифованных камней. Как часто бывает, камень кажется плохой имитацией и не очень гармонирует со стилем зданий.

Часовня — продолговатая, низкая (от этого она кажется еще длиннее). Бассейн сделан хорошо, но поскольку его края приходятся вровень с землей, в него неизбежно забираются змеи, лягушки, жабы,

водяные насекомые. Музей — большое трехэтажное здание с плоской крышей, по фасаду идет галерея, другая, поуже — позади дома, а наверху высятся цилиндрическая башенка.

Оказалось, что дом открыт, и я сразу же там обосновался. Называю его музеем потому, что так говорил о нем торговец-итальянец. Почему? Вряд ли он знал это сам. Здесь мог бы разместиться великолепный отель человек на пятьдесят или санаторий.

Внизу — холл, где вдоль стен тянутся книжные шкафы; книг не счесть, но подобраны они односторонне: только романы, стихи, пьесы (за исключением одной книжечки — Белидор, «Travaux. Le Moulin Perse»*, Париж, 1937; она лежала на столике из зеленого мрамора, а теперь оттягивает карман моих драных штанов. Я взял ее отчасти потому, что меня привлекло странное имя — Белидор, а отчасти из-за названия «Le Moulin Perse» — не объяснит ли книга назначение мельницы, стоящей внизу, недалеко от берега). Я прошел вдоль полок, подыскивая материал для неких исследований, которые оборвались с началом судебного процесса и которые я попытался продолжить на пустынном острове (я считаю, мы теряем бессмертие из-за того, что борьба со смертью не претерпела никакой эволюции, она направлена на первую, самую очевидную цель — поддерживать жизнь во всем организме. Следовало бы стремиться к сохранению лишь того, что важно для сознания).

* «Работы. Персидская мельница» (фр.).

Стены в холле облицованы розовым мрамором, кое-где в них сделаны узкие зеленые ниши, наподобие утопленных пилястров. Окна с голубыми стеклами достигли бы второго этажа в моем родном доме. Четыре алебастровых светильника — в чаше каждого из них могло бы поместиться по шесть человек — льют ровный электрический свет. Книжки немного облагораживают это пестрое убранство. Одна дверь ведет на галерею, другая — в круглую залу; еще одна, маленькая, укромно спрятанная за ширмой, — на винтовую лестницу.

Из галереи поднимается главная лестница — она оштукатурена под мрамор и покрыта ковром. Под навесом стоят плетеные кресла, вдоль стен — полки с книгами.

Столовая большая — площадью примерно шестнадцать метров на двенадцать. На стенах, над капителями тройных колонн из черного дерева, расположены площадки, нечто вроде лож, и в каждой красуется статуя сидящего божества — полуиндийского, полугипетского, сделанного из терракоты цвета охры; статуи втрое больше человеческого роста; их окружают темные выступающие листья гипсовых растений. Ниже идут большие панели с рисунками Фудзиты*, они выпадают из стиля (слишком скромны).

* Цугухару Фудзита (1886—1968) — французский художник Парижской школы, японец по происхождению. — *Примеч. пер.*

Пол круглой залы представляет собой аквариум. В воде в невидимых стеклянных коробах помещены электрические лампы (единственный источник света в этой зале без окон). Я вспоминаю аквариум с отвращением. Когда я вошел туда в первый раз, там плавали сотни дохлых рыб — каково-то было выгребать их оттуда; потом я дни напролет промывал аквариум свежей водой, но все равно ко мне тут всегда липнет запах тухлой рыбы (этот запах напоминает родные пляжи, море без конца выбрасывает на песок массу рыбы, живой и дохлой, запах разносится на многие километры вокруг, и местные жители устают зарывать рыбу в землю). В этой комнате с освещенным полом и черными лаковыми колоннами ты представляешь себе, как чудесным образом идешь по поверхности пруда где-то в густом лесу. Одна дверь ведет в холл, другая — в маленький зеленый зал, где есть пианино, патефон и зеркальная ширма (створок двадцать, не меньше).

Спальни, роскошные и неудобные, обставлены современной мебелью. Их здесь пятнадцать. В своей я провел грандиозные преобразования, результаты которых были ничтожны. Больше у меня нет ни картин (Пикассо), ни дымчатого стекла, ни книг с подписями знаменитостей, но я живу среди разрухи.

Дважды при схожих обстоятельствах я совершил открытия в подвалах. В первом случае — когда в кладовой стали иссякать продукты; я искал еду и открыл целое машинное отделение. Обходя

подвал, я заметил, что ни в одной стене не было небольшого оконца, которое я углядел снаружи, — с толстыми стеклами и решеткой, оно пряталось за каким-то хвойным кустом. Словно споря с кем-то, утверждавшим, что этого окна нет, что оно мне приснилось, я вышел наружу убедиться, так ли это.

Окно было на месте. Спустившись в подвал, я с трудом сориентировался и нашел участок стены, соответствовавший окну. Значит, стена была двойной. Я принялся искать щели, потайные двери. Подумал, что здесь, на острове, в замурованном пространстве, должны храниться сокровища, но потом решил проломить стену и войти: ведь скорее всего там склад — если не пулеметов и боеприпасов, то, возможно, продовольствия.

Я взял железный засов, закрывавший одну из дверей, и, преодолевая слабость, продолбил в стене отверстие; оттуда брызнул голубой свет. Я трудился не покладая рук и в тот же день проник внутрь. Моим первым ощущением было не разочарование (ибо продуктов там не нашлось) и не облегчение (ибо я обнаружил водяной насос и электрическую установку), а долгий, восхищенный покой: стены, потолок, пол — все было облицовано голубым фарфором, и даже сам воздух (свет проникал сюда лишь через высокое оконце, скрытое кустом) пропитывала насыщенная голубизна, как пену иных водопадов.

Я очень мало понимаю в моторах, но тем не менее смог запустить в действие некоторые из них.

Когда у меня кончается дождевая вода, я включаю насос. Меня удивили и собственные способности, и прекрасное состояние несложных, в сущности, машин. Я прекрасно знаю: если что-то сломается, мне останется лишь смириться. Я такой невежда в технике, что до сих пор не смог понять назначение ни зеленых моторов, находящихся в той же комнате, ни вала с лопастями, который установлен в южной, низкой части острова (он соединен с подвалом металлической трубой; если бы не его удаленность от берега, я бы решил, что он имеет какое-то отношение к приливам, я мог бы вообразить, что он служит для подзарядки аккумуляторов, наверняка существующих при генераторе). Из-за моей технической беспомощности я стараюсь экономить: включаю моторы, лишь когда это крайне необходимо.

И все же однажды свет в музее горел всю ночь. То была вторая серия моих открытий в подвалах.

Я был нездоров. Мне подумалось, что где-то здесь может находиться аптечка; наверху я ничего не нашел, спустился в подвалы... и в эту ночь забыл о болезни, забыл о том, что такие кошмары случаются лишь в снах. Я обнаружил потайную дверцу, лестницу, второй подвал. Вошел в многоугольную камеру, напомнившую мне бомбоубежище, которое я видел в какой-то кинокартине; стены здесь были выложены симметрично расположенными плитками двух типов — одни из чего-то вроде пробки, другие из мрамора. Я сделал шаг: под ка-

менными аркадами в восьми разных направлениях я увидел, словно в зеркалах, восемь таких же камер. Потом услышал шаги, пугающе ясные, — они раздавались вокруг, сверху, снизу — по всему музею. Я сделал еще шаг-другой: звуки пропали, словно утонув в снегу, — так бывает на холодных нагорьях Венесуэлы.

Я поднялся по лестнице. Кругом царил тишина, слышался лишь далекий шум моря, все было неподвижно, не считая разбегавшихся насекомых. Я боялся нашествия призраков — или полицейских, что было менее вероятно. Несколько часов я прятался за занавесками, терзаясь мыслью, что выбрал неудачное место: наверное, меня видно снаружи; если я захочу убежать от того, кто войдет в комнату, мне придется открыть окно. Немного погодя я осмелел и решил осмотреть дом, но мне было беспокойно: я ведь ясно слышал осторожные шаги, раздававшиеся кругом, на разных этажах.

На рассвете я вновь спустился в подвал. Вокруг опять зазвучали шаги — вблизи и вдали. Но теперь я все понял. Сердясь на себя, одинокий и окруженный двойниками, я продолжал исследовать второй подвал в сопровождении навязчивой стаи звуков. Здесь девять одинаковых камер, ниже — еще пять. Они похожи на бомбоубежища. Кто же эти люди, соорудившие в двадцать четвертом году это здание? Отчего они забросили его? Каких бомбардировок опасались? Удивляет, почему инженеры, построившие такой прекрасный дом, были по-современ-